
МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКОНОМИКА
И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

**СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА:
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СУЩНОСТИ, ФАКТОРЫ
ТРАНСФОРМАЦИИ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И НОВЫЕ
ВЫЗОВЫ***

А.А. Праневич, Е.Н. Петрушкевич, А.Д. Лукьянин**

Аннотация. Охарактеризованы основные черты современной глобальной экономики. Выявлены и проанализированы наиболее существенные факторы ее трансформации. Определены признаки и противоречивость новых проявлений глобализации в виде деглобализации и реглобализации, гипервзаимосвязанности и гиперлиберализации экономик мира. Рассмотрены издержки и угрозы устойчивости мирового экономического развития, направления их преодоления мировым сообществом. Раскрыты позитивные и негативные факторы глобального экономического развития с учетом объективных и субъективных процессов, возникающих шоков и угроз.

Ключевые слова: глобальная экономика, деглобализация, реглобализация, конкурентная среда, международная торговля, инвестиции, пандемия COVID-19.

JEL-классификация: F01, F60, F63.

DOI: 10.46782/1818-4510-2022-2-4-22

Материал поступил 22.04.2022 г.

***Основные черты современной
глобальной экономики***

Современные оценки происходящих глобальных экономических процессов показывают обострение сложности взаимодействия политических, экономических, социальных, климатических и биологических систем, что привело к совершенно новому этапу развития мировой экономики, отличительными чертами которого становятся рост неравенства, политической и социальной напряженности, экономической нестабильности и экологической неустойчивости, продовольственной и сырьевой уязви-

мости стран и регионов. Противоречивые и шоковые события, характерные для мировой экономики и политики, трансформируют и саму систему международных экономических отношений. Это порождает ряд проблем, связанных с определением особенностей и факторов трансформации глобальной экономики, появлением «разломов» и диспропорций в ее функционировании, поиском путей и возможностей их преодоления или нивелирования последствий для стран и регионов. Отсутствует четкость понимания того, как можно определить происходящие изменения: реглобализация

* Статья выполнена в рамках государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», 2021–2025 годы, подпрограмма «Экономика», задание 2.04 «Методологические основы и инструментарий совершенствования инновационно-инвестиционных механизмов обеспечения социально-экономической безопасности государства в условиях глобальной реконфигурации внешнеэкономических связей (2021–2025 гг.)».

** **Праневич Алла Александровна** (pranevich@bseu.by), доктор экономических наук, профессор, Белорусский государственный экономический университет (г. Минск, Беларусь); <https://orcid.org/0000-0003-2716-8201>;

Петрушкевич Елена Николаевна (petrushkevich@list.ru), кандидат экономических наук, доцент, Белорусский государственный экономический университет (г. Минск, Беларусь); <https://orcid.org/0000-0001-5962-0405>;

Лукьянин Алексей Дмитриевич (a.lukyanin@gmail.com), Белорусский государственный экономический университет (г. Минск, Беларусь); <https://orcid.org/0000-0001-9967-1637>

или новый этап глобализации, деглобализация, регионализация или формирование многополярной структуры мировой экономики. К каким противоречиям или конфликтам в экономической сфере может привести развитие той или иной тенденции? Какие риски или возможности ожидают национальную экономику или экономику региона при определении вариантов их решения?

В современных исследованиях подчеркивается дуализм причинно-следственных связей, характеризующий турбулентность мирового экономического развития. Глобализация на данном этапе приобретает новые названия («новая глобализация», «глобализация 2.0»), в которых ученые и публицисты пытаются отразить наиболее существенные качественно новые ее черты.

Научная литература вернулась к проблеме пределов экономического роста, многовариантности сценариев будущего. Распространено мнение, что мировая экономика достигла точки бифуркации, когда прежняя траектория развития потеряла устойчивость. Рядом авторов отмечается, что нынешняя «финансовая глобализация» исчерпала себя, требуется переход от парадигмы «человек для экономики» к парадигме «экономика для человека» (Иванов, Малинецкий, 2020). Экстернальный шок от пандемии COVID-19 ускоряет трансфер ценностей и технологий в рамках нового видения глобального развития мира.

Обоснованием необходимости переосмысления и смены парадигмы экономического развития мировой экономики, доминировавшей более двух столетий, стали исследования, доказывающие противоречивость и даже парадоксальность современных процессов (Малова, 2020). Так, тенденция к гиперлиберализации и гиперсвязанности экономики и социума не может преодолеть стремления к национальному обособлению. Кризис COVID-19 предложил решение данного противоречия на основе отрицания взаимосвязанности всех процессов в глобальной экономике в долгосрочном периоде. Кроме того, макроэкономические парадоксы свидетельствуют о смене доминанты монетарного регулирования на фискальную экспансию. Микроэкономи-

ческие дисбалансы подталкивают компании к развитию исходя из приоритетности общественных благ, реализации принципов устойчивого развития глобальной экономики, а цифровая глобализация способствует модификации конкурентной среды (Праневич, 2019), приводит к существенным изменениям в структуре ведения бизнеса, контингенте его участников (Гурьянов, Гурьянова, 2020), появлению новых форм трансграничного расширения экономических связей и коммуникаций.

Современная мировая экономика находится в состоянии «глобального перепутья». С одной стороны, набирающий силу протекционизм, выливающийся в открытое противостояние между странами и экономические войны, формирует новые правила в направлении деглобализации. С другой стороны, попытка нового объединения в период кризиса COVID-19 и посткризисного восстановления создает условия для глобальной трансформации, получившего в мировой научной литературе название «разворота глобализации», или «реглобализации»¹.

Факторы трансформации глобальной экономики

Мировой кризис, вызванный пандемией COVID-19, способствовал существенному переформатированию мировых экономических процессов, часто усиливая сложившиеся дисбалансы и противоречия. Можно выделить ряд факторов активного трансформационного влияния.

Первый фактор – существенные качественные преобразования в сфере международной торговли.

Международная торговля в 2020 г. сократилась на 5,6%². В то же время она оказалась подвержена общей тенденции изменения структуры потребления из-за кризиса COVID-19, а именно: в кризис предпочтение отдавалось товарам, а потребление услуг откладывалось. Кроме того, не снижалось напряжение в торговых отношениях между

¹ What is Re-Globalization? A Key Term in the Making that Characterizes our Epoch. URL: <https://www.globalpolicyjournal.com/blog/08/12/2020/what-re-globalization-key-term-making-characterizes-our-epoch>

² Trade and Development Report 2021: From Recovery to Resilience: the Development Dimension. 2021. UNCTAD. URL: <https://unctad.org/webflyer/trade-and-development-report-2021>

США и Китаем. Реформирование многосторонней торговой системы в рамках ВТО продолжалось и приобрело новые направления.

В целом в международной торговле географическая структура изменилась при сохранении лидерства Азии. Кроме того, КНР – первая страна, торговые обороты которой по импорту и экспорту восстановились и даже выросли в 2021 г. по сравнению с уровнем до пандемии. Рост инвестиций в экономике Китая в 2021 г. способствовал спросу на сырье и материалы, что сказалось на расширении его импорта. Внешнеторговые обороты превзошли предкризисный уровень и в других странах Азии, прежде всего в Гонконге, Тайване, Вьетнаме. Среди отстающих по восстановлению торговли стран и регионов, у которых торговые потоки снизились более чем на 20% по сравнению с докризисными объемами, – Великобритания, Ближний Восток и Африка. Это объясняется тем, что Великобритания не смогла восстановиться после брексита, а страны Африки и Ближнего Востока очень зависят от экспорта нефти, добыча которой значительно сократилась после соглашения ОПЕК+ в апреле 2020 г. по уменьшению объемов ее добычи на 10 млн баррелей в день. Импорт этих стран также сократился, поскольку является зеркальным отражением экспортных поставок.

Отраслевая структура международной торговли изменилась по нескольким направлениям. Во-первых, доля международной торговли товарами выросла за счет падения доли

мировой торговли услугами (рис. 1). Причем структура торговли изменилась в 2020 г. за счет падения торговли нефтью (на 33%), сельскохозяйственным сырьем (6%) и продукцией обрабатывающей промышленности (4%). В то же время экспорт руд, металлов, драгоценных камней и немонетарного золота вырос на 6%, продуктов питания – на 2%³. Группа пищевых товаров, напитков и растительных масел в меньшей степени подверглась падению объемов торговли прежде всего по причинам обеспечения национальной безопасности, в особенности в наименее развитых странах.

Во-вторых, произошла существенная отраслевая реструктуризация в мировой торговле услугами под влиянием кризиса COVID-19 со значительными ее отличиями по сравнению с последствиями мирового финансового и экономического кризиса 2008–2009 гг., когда падение не коснулось только торговли страховыми и пенсионными услугами. Реструктуризация произошла по следующим направлениям (табл. 1).

1. В торговле услугами в предкризисный период туризм доминировал, его доля составляла 25%. В 2020–2021 гг. его объемы существенно сократились, в итоге отрасль понесла убытки более 2,5 млрд долл. США ежегодно⁴. Восстановление международного туризма зависит от требований по состоянию здоровья приезжающих и степени гармонизации мероприятий в отношении путешествий, связанных с противодействием COVID-19.

2. Транспортные услуги традиционно занимают 1/6 в мировой торговле услугами. В период с начала пандемии их объем значительно снизился, в особенности в 2020 г., когда падение составило 21,6% по сравнению с 2010 г. (см. табл. 1). Такое падение произошло прежде всего за счет пассажирского авиатранспорта. Что касается грузового авиатранспорта, то его значение, наоборот, выросло в период пандемии по двум основным причинам. Во-первых, грузовой авиатранспорт сглаживал перебои из-за возникших «пробок» морского грузового транспорта и рис-

³ URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdstat46_en.pdf

Рис. 1. Динамика долей в мировом экспорте товаров и услуг, %

Источник. URL: <https://unctadstat.unctad.org/>

⁴ Trade and Development Report 2021: From Recovery to Resilience: the Development Dimension. 2021. UNCTAD. URL: <https://unctad.org/webflyer/trade-and-development-report-2021>

Темпы роста отдельных секторов услуг, % к предыдущему году

Сектор услуг	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Транспорт	12,6	19,9	15,9	-21,6	16,5	9,1	1,4	2,9	5,4	-9,6	-3,9	9,7	9,7	0,5	-20,3
Туризм	9,02	15,45	10,06	-8,21	8,23	11,85	3,27	8,08	4,14	-3,8	2,38	7,76	7,92	2,34	-62,61
Строительные услуги	20,21	27,56	34,67	-8,69	-1,42	9,99	1,14	0,53	12,08	-11,48	-7,94	21,99	7,82	-4,25	-17,56
Страховые и пенсионные услуги	21,88	13,45	10,91	0,77	-4,46	13,07	6,26	9,44	6,73	-10,61	5,89	2,98	7,57	-1,53	2,58
Финансовые услуги	22,53	30,29	2,85	-11,58	9,63	15,25	0,43	6,97	4,84	-3,82	-0,66	7,46	7,02	-0,41	4,12
ИКТ-услуги	17,61	21,24	19,61	-3,57	4,46	16,51	5,13	9,19	13,19	1,27	1,87	9,7	18,65	7,61	4,12
Персональные, рекреационные и культурные услуги	12,36	12,72	7,22	-2,0	11,7	9,82	7,6	-6,58	8,5	2,12	1,81	12,9	14,63	6,35	-14,21
Другие деловые услуги (НИОКР, профессиональные, технические)	14,86	21,1	12,75	-7,09	6,57	14,07	3,88	6,86	9,69	-4,72	4,81	7,92	9,94	4,13	-4,96

Источник. URL: <https://unctadstat.unctad.org/>

ков срыва поставок значимых товаров и высокотехнологичных товаров. Во-вторых, потребность в обеспечении ПЦР-тестами, вакцинами и соответствующими медикаментами стран мира сделала авиатранспорт наиболее необходимым в период пандемии. В-третьих, возрастание значения электронной коммерции позволило активно задействовать воздушный транспорт для доставки.

Что касается морского транспорта, то в международной доставке товаров он продолжает по-прежнему доминировать по сравнению с транспортировкой по воздуху (12%) и другими транспортными средствами (31%).

3. Строительные, персональные, культурные, рекреационные услуги, а также сектор других деловых услуг также подверглись сокращению (см. табл. 1). В то же время активизировалась торговля ИКТ-услугами, страховыми, пенсионными и финансовыми услугами, главным образом, по причине роста деловой активности в Интернет-пространстве ввиду социального дистанцирования и удаленной работы.

Все перечисленные изменения в международной торговле товарами и услугами оказали критическое давление на устойчивость глобальных и региональных цепочек создания стоимости.

Второй фактор – изменение структуры и протяженности цепочек создания стоимости. Пандемия ускорила трансформа-

цию глобального экономического ландшафта и на предпринимательском уровне, перестраивая экономические производства в сторону более коротких и региональных цепочек создания стоимости. Ограничения работы в период «Великого карантина» заставляют предпринимателей проводить переоценку экономического эффекта выноса за пределы национальной территории своих производств, сосредоточить усилия на поиске региональных и местных звеньев в цепочках поставок.

Изменения структуры и протяженности цепочек создания стоимости были связаны в 2020–2021 гг. с рядом причин: увеличение спроса на товары, особенно на таком огромном рынке, как США; ограниченность транспортных мощностей; недостаток в транспортном оборудовании и контейнерах; вспышки коронавирусной инфекции и ее разновидностей в различных портах мира, имеющих международное значение, что приводило к временной остановке их функционирования; недельное блокирование транспортных потоков на Суэцком канале контейнером Ever Given в марте 2021 г.

Все это стало причиной нарушений в восстановлении основных видов производства обрабатывающей промышленности, особенно в европейских странах. Кроме того, самоизоляция рабочих крупнейших фабрик и заводов, а также логистических

центров усилила проблему стабильной работы ГЦСС. Так, заводы в автомобильной промышленности вынуждены были временно останавливаться ввиду недостатка важнейших деталей и компонентов или существенно сокращать производство из-за недостатка трудовых ресурсов. Все эти причины вместе убедительно показали уязвимость сложных ГЦСС и ненадежность безальтернативных источников поставок.

Третий фактор – существенное ослабление торговых и инвестиционных компонентов глобализации на фоне интенсификации международных потоков информационно-коммуникационного типа в 2008–2009 гг., которое усилилось с началом кризиса 2020 г. (Хейфец, Чернова, 2020). Так, динамика долей мирового экспорта товаров и мирового объема ПИИ в мировом ВВП демонстрирует снижающийся тренд за последнее десятилетие (табл. 2), в то время как доли экспорта ИКТ-услуг и услуг туризма растут. Это предопределило проблему усиления дисбалансов в развитии мировой экономики и стало источником эволюционных и революционных реформаций в мировой экономике.

Действительно, ряд структурных изменений в мировой экономике, новые макро- и микроэкономические явления (распространение информационных технологий, формирование инновационных рынков, цифровизация, развитие сетевых структур) стали наиболее существенными при формировании условий для качественных изменений глобального экономического пространства. Изменения затрагивают:

- рынки, значительно преобразуя их архитектуру, субъектно-объектные характеристики и механизмы организации рыночного взаимодействия на основе распространения модульных цифровых платформ и технологий, что приводит к исчезновению или трансформации традиционных и возникновению новых, многосторонних рынков, косвенных сетевых внешних эффектов, появлению новых и фундаментальному изменению традиционных бизнес-моделей участников рынка, созданию как новых возможностей для формирования конкурентных рынков в традиционных и новых сферах экономики, так и новых источников и способов ограничения конкуренции на них;

- производство, где конвергенция отраслей и технологий привела к трансформации форм капитала, механизма их функционирования, способов взаимодействия компаний друг с другом по всей цепочке создания добавленной стоимости, возникновению гиперконкурентных интегрированных компаний;

- торговлю и международный обмен, которые вышли на новый этап своего развития в результате цифровизации, с одной стороны, ускоряя динамику в результате снижения скорости и трансакционных издержек их организации, а с другой – приводя к усилению неравенства стран⁵, обусловленному дифференциацией доступа к

⁵ Digital Industrialisation in Developing Countries – A Review of the Business and Policy Landscape. URL: <https://itforchange.net/digital-industrialisation-developing-countries-%E2%80%94-a-review-of-business-and-policy-landscape>

Таблица 2

Динамика долей мировых объемов экспорта товаров, туристических и ИКТ-услуг, ПИИ в мировом ВВП, %

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Доля экспорта товаров в мировом ВВП	23,0	24,8	24,5	24,4	23,9	22,0	21,0	21,8	22,6	21,7	20,7
Доля ПИИ в мировом ВВП	2,1	2,2	2,0	1,9	1,8	2,7	2,7	2,0	1,7	1,7	1,2
Доля мирового экспорта ИКТ-услуг в мировом ВВП	0,4	0,5	0,5	0,5	0,6	0,6	0,6	0,6	0,7	0,7	0,8
Доля экспорта услуг туризма в мировом ВВП	1,5	1,5	1,5	1,6	1,6	1,6	1,6	1,6	1,7	1,7	0,6

Источник. URL: <https://unctadstat.unctad.org/>

цифровой инфраструктуре, возможностями организации и масштабами участия в цифровой торговле, зависимостью от повсеместного распространения, политического и социального влияния отдельных крупных цифровых фирм (Праневич, 2021).

Четвертый фактор – усиление технологической монополии отдельных стран и компаний и, как следствие, рост зависимости стран технологической периферии.

Динамичность развития технологий и интенсификация инновационной составляющей продукции формируют предпосылки для реализации монопольной власти (*доминирование хозяйствующих субъектов* в силу возможности концентрации ресурсов, быстрого возврата затрат на НИОКР, снижения рисков невозврата вложений; *территориальные диспропорции технологических рынков и рост цифрового неравенства стран* – в силу необходимости формирования и поддержания институциональных условий, которые обеспечивали бы благоприятную конкурентную среду для развития инновационной деятельности). Монополистическую угрозу представляют: сильные *сетевые внешние эффекты*, которые становятся мощным барьером для появления новых фирм на рынке, фактором вытеснения действующих и обеспечения рыночной власти; использование цифровыми платформами ресурсов больших данных в целях получения стратегических преимуществ в реализации собственной политики, схем ценовой дискриминации, применения ими недобросовестных антиконкурентных практик.

Растет страновой монополизм, связанный с усилением влияния факторов специализации на создание новых технологий; организацией их защиты посредством института интеллектуального и, прежде всего, патентного права; локацией (национальной принадлежности) субъектов (глобальных корпораций), доминирующих в результате использования дискриминационных способов удержания конкурентных технологических преимуществ на отдельных сегментах цифровых рынков.

Тренд на усиление технологического и цифрового монополизма лидирующих стран и компаний оказывает существенное

негативное влияние на страны технологической периферии на уровне:

а) отдельных рынков (контроль ряда стран за более 50% рынка);

б) глобальных цепочек создания стоимости в цифровой среде, потенциально вызывая эффект, аналогичный эффекту Ванека–Райнерта, определяемый тем, что, как правило, развивающиеся страны включаются в цепочки добавленной стоимости в видах деятельности с уменьшающейся отдачей. Этот факт, а также устранение барьеров на пути функционирования глобальных цифровых лидеров на внутренних рынках развивающихся стран может явиться причиной потери конкурентоспособности для национальных компаний, а в длительной перспективе – для технологических секторов и национальной экономики в целом;

в) усиления технологической зависимости, связанной, с одной стороны, с опорой в своей политике технологических изменений на производственные технологии, находящиеся на последней стадии жизненного цикла, что ведет к быстрой деградации собственных возможностей, росту угроз цифровизации, а с другой – с захватом национальных рынков мощными транснациональными компаниями;

г) появления сильной мотивации к изменению регулирования в области интеллектуальной собственности, конкурентной, антимонопольной, промышленной и инновационной политики. Усиливает негативный эффект тот факт, что мировые регулятивные стандарты в основном были разработаны в соответствии с интересами развитых экономик и слабо учитывают интересы развивающихся стран (Праневич, 2021).

Пятый фактор – усиление потоков трудовой миграции.

Согласно Докладу о миграции в мире Международной организации по миграции за 2020 г.⁶, за последние пять десятилетий произошел рост числа международных миг-

⁶ В Рекомендациях Организации Объединенных Наций по статистике международной миграции «международный мигрант» определяется как любое лицо, которое меняет страну своего обычного проживания, с выделением «краткосрочных мигрантов» (меняющих страну своего обычного проживания на срок как минимум трех месяцев, но менее одного года) и «долгосрочных мигрантов» (делающих это на срок не менее одного года).

рантов. Общая оцениваемая численность людей, которые в 2019 г. проживали в стране, не являющейся страной их рождения, составляет 272 млн чел. То есть это превышение на 119 млн чел. показателя 1990 г. (когда их насчитывалось 153 млн чел.) и превышение втрое оцениваемой численности 1970 г. (84 млн чел.). Европейский и Азиатский регионы являются наиболее привлекательными для международных мигрантов, которые в 2019 г. составляли 61% общего мирового совокупного контингента международных мигрантов.

О росте мировой трудовой миграции свидетельствует ее доля в мировом населении (2,8% в 2000 г., 3,6% в 2022 г.)⁷, а о реструктуризации – существенные изменения по направлениям и структуре миграции. Две трети международных мигрантов – это трудовые мигранты. Геополитические, экологические и технологические причины лежат в основе существенных изменений миграционных коридоров в мировой экономике в XXI в. Причем выделяются системные и несистемные факторы, а также краткосрочного и долгосрочного характера, оказывающие влияние на степень модификации данной формы международных экономических отношений.

Технологические трансформации (системный фактор), прежде всего цифровизация, оказывают влияние на упорядоченность и транспарентность международных миграционных потоков трудовых ресурсов. Многочисленные мобильные приложения помогают лучше ориентироваться мигрантам в законодательстве принимающих стран, общаться между собой и семьями в родной стране, отлеживать денежные переводы и т. д. В то же время развитие искусственного интеллекта становится препятствием для спроса на иностранные трудовые ресурсы.

Растущая конкуренция между странами за экономическое, политическое и военное первенство ведет к повышению геополитической напряженности и эрозии многостороннего сотрудничества на фоне частных интересов политических лидеров, что неизбежно ослабляет правовые и ин-

ституциональные регуляторы, в особенности при соблюдении прав человека. То есть геополитические причины находились исторически и на современном этапе находятся в основе изменения миграционных коридоров, масштабов и структуры международной миграции трудовых ресурсов.

Экологические причины модификации миграционных потоков трудовых ресурсов связаны с последствиями коллапса биоразнообразия и изменений климата.

В десятке наиболее привлекательных стран для трудовых мигрантов во втором десятилетии XXI в. появились Объединенные Арабские Эмираты и Российская Федерация, а с 2019–2020 гг. – Китай.

Шестой фактор – существенная реструктуризация в последнее десятилетие центральнопериферического строения мировой экономики, формирование ее многополярности за счет перераспределения глобального лидерства прежде всего в Азиатский регион с высокими средними темпами роста (близкими к 5%) в Восточной, Южной и Средней Азии.

Причем Китай окончательно занял место неотъемлемой части глобальных цепочек создания стоимости. Кризис COVID-19 обнажил проблему зависимости мировой экономики, отдельных стран и множества транснациональных компаний и многонациональных производств от продукции из КНР, что вынудило некоторые страны стимулировать перестройку цепочек создания стоимости (Японию, например).

Китай стал практически безусловным лидером среди стран-экспортеров и стран-инвесторов. Он оказался на первом месте в мировом экспорте товаров с 2009 г., опередив США и Германию и охватывая 15% мирового экспорта в 2021 г. (табл. 3). А с 2020 г. КНР – это главный источник международных прямых инвестиций. Кроме того, китайские компании стали серьезными конкурентами для американских и европейских многонациональных предприятий после кризиса 2008–2009 гг., постепенно вытесняя их из числа крупнейших. Так, в соответствии с рейтингом Forbes Global 2000, рост количества крупнейших китайских компаний происходит ежегодно, увеличившись до 350 из 2000 крупнейших в

⁷ World Migration Report 2022. URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/>

Таблица 3
Топ-10 стран-лидеров по экспорту товаров
и вывозу прямых инвестиций, млрд долл. США

Страна	Экспорт товаров, 2021 г.	Страна	Вывоз прямых инвестиций, 2020 г.
Китай	3364,0	Китай	132,9
США	1754,6	Люксембург	127,1
Германия	1631,8	Япония	115,7
Нидерланды	836,0	Гонконг	102,2
Япония	756,0	США	92,8
Гонконг	669,9	Канада	48,7
Республика Корея	644,4	Франция	44,2
Италия	610,3	Британские Виргинские острова	42,3
Франция	585,0	Германия	34,9
Бельгия	543,3	Республика Корея	32,5

Источник. URL: <https://unctadstat.unctad.org/>

2021 г., в то время как количество американских компаний в этом рейтинге существенно снизилось в первом десятилетии XXI в. и остается примерно на одинаковом уровне до настоящего времени, а именно 590 компаний в 2021 г.⁸

Хотя Китай пока не является лидером в процессах международного обмена технологиями (первое место по поступлению платежей за проданные технологии прочно занято США), однако инновационная составляющая его экономического роста становится доминантой. Так, в 2020 г. ведомство по интеллектуальной собственности КНР получило около 1,5 млн патентных заявок. Это в 2,5 раза больше, чем показатель аналогичного ведомства второй страны-лидера по инновациям – США (597 172 заявок). За США следовали ведомства Японии (288 472) и Республики Корея (226 759), а также Европейское патентное ведомство (180 346)⁹.

Таким образом, структурные и системные модификации в развитии мировой экономики стали причиной объективных процессов, вызвавших дискуссию в научных и практических кругах при попытке определения происходящего как некоего перелома

⁸ URL: <https://www.forbes.com/lists/global2000/#58b49f0e5ac0>

⁹ World Intellectual Property Indicators 2021. URL: <https://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4571&plang=EN>

в глобальном развитии, результатом которого могут стать преимущественно деглобализационные или реглобализационные процессы.

Деглобализация vs реглобализация, протекционизм vs либерализация?

Реглобализация – это новая глобальная архитектура, неустойчивая еще по своей форме и содержанию, формирующаяся вследствие трех основных противоречий развития мировой экономики – глобальной нестабильности, роста неравенства во всех сегментах экономики и конфликта интересов правящих элит¹⁰. Процесс реглобализации объективно запустился в мировой экономике за несколько лет до «Великого карантина» и развился в период кризиса COVID-19 (Benedikter, 2021) и

посткризисного восстановления. Основной предпосылкой реглобализации стала длительная рецессия после мирового финансового и экономического кризиса, охватившая десять лет неустойчивого, сдержанного и неравномерного экономического роста, что привело к искажениям в процессах глобализации из-за излишней взаимозависимости стран, или гиперсвязанности.

Глобализация – это многоаспектный и масштабный процесс, основанный на углублении экономической либерализации, влекущей за собой сглаживание барьеров на пути международной торговли и международных инвестиций, а следовательно – рост различных форм международной кооперации, экспансию глобальных сетей поставок, стандартизацию и унификацию, гармонизацию макроэкономической стратегической и тактической политики ведущих стран и игроков мировой экономики. Все это привело к взаимозависимости и гиперсвязанности стран. Однако развитие мировой экономики на основе гиперсвязанности стран способствует возникновению рисков ее переформатирования за счет обострения противоречий под влиянием системных шоков и кризисов. Основным источником

¹⁰ What is Re-Globalization? A Key Term in the Making that Characterizes our Epoch. URL: <https://www.globalpolicyjournal.com/blog/08/12/2020/what-re-globalization-key-term-making-characterizes-our-epoch>

гиперсвязанности современной международной экономики является международная торговля, которая характеризуется постоянным ростом за счет фрагментации и переноса производства за рубеж, упрощения управления цепочками создания стоимости, совершенствования транспортных механизмов доставки товаров, повышения эффективности логистики, либерализации международной торговли, в том числе в рамках механизмов ВТО. При этом гиперсвязанность международной торговли противоречиво воздействует на ее состояние: способствует ее одновременной **уязвимости и устойчивости**.

Ввиду свойства международной торговли связывать не только торговые отношения между странами, но и международные экономические отношения в целом, она становится передаточным механизмом для распространения рисков и экономических шоков на всех участников глобальной экономики. Поэтому гиперсвязанность экономики стран мира посредством международной торговли способствует **росту их взаимозависимости и усилению взаимовлияния** и подверженности внешним шокам.

Внешние шоки в современной мировой экономике склонны к накоплению и носят каскадный характер, сочетая экологические (гидрологические, геофизические, метеорологические и др.), технологические (химические, кибератаки и др.), экономические (рост неравенства, торговые войны) и социальные риски (рост политической неопределенности, геополитической напряженности, военных конфликтов).

Несмотря на то, что частота кризисов экономического характера (банковских, системных, валютных, инфляционных, внешнего долга, внутреннего долга) в XXI в. значительно уменьшилась, неопределенность в глобальной экономике выросла в несколько раз в 2008–2020 гг.¹¹

Сокращение совокупного спроса на уровне национальных экономик в последнее десятилетие в результате негативного взаимодействия сокращения зарплат, бюджетной экономии и сокращения государ-

ственного сектора, а также роста финансовализации глобальной экономики привели к росту ограничений на увеличение импорта и снижению объемов мировой торговли.

Таким образом, дефляционное давление комбинации депрессивных факторов за последнее десятилетие оказывает значительное негативное влияние на страны, рассчитывающие на активизацию внешнего спроса для восстановления динамики своего роста, нежели на совокупный внутренний спрос, что в наибольшей степени сокращает потенциал роста в развивающихся странах. Поэтому факторы расширения внутреннего спроса (внутренние инъекции) и сокращение финансовых потоков в сектор спекулятивных финансов является необходимым условием для восстановления роста малых открытых экономик. То есть снижение гиперзависимости от внешних рынков и развитие внутреннего спроса просматриваются в качестве элементов новой концепции долгосрочного экономического развития. В то же время внешний шок, вызванный украинским кризисом и масштабными экономическими санкциями, может усилить негативные тенденции роста инфляционного спроса в мировой экономике за счет прежде всего сокращения совокупного предложения на фоне накопленной денежной массы из-за многолетней монетарной экспансии в США, Японии и ЕС в форме количественного смягчения.

Сложившаяся после кризиса 2008 г. в мировой экономике конъюнктура сформировала условия, при которых для стран, в особенности развивающихся, определяющей тенденцией во внешнеторговой политике становится возврат к протекционизму, что, в свою очередь, порождает риск **«деглобализации»**. Причем странами активно используются разнообразные формы и методы современного протекционизма: от селективного и отраслевого до коллективного. Селективная практика использования протекционизма странами усиливается во всех направлениях международных экономических связей. В особенности она стала частью политики привлечения ПИИ (Петрушкевич, 2019). Так, по данным ежегодных отчетов ЮНКТАД о мировых инвестициях, доля протекционистских меропр-

¹¹ World Trade Report 2021: Economic resilience and trade. С. 28–29. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wtr21_e.htm

ятий в реформировании ПИИ-политики в странах мира в 2010–2020 гг. составляла 20–41% по сравнению с 10–27% в 2000–2009 гг.¹²

В период пандемии COVID-19 стали появляться утверждения ученых о возможности возрождения автаркии как следствия глобального экологического кризиса и пандемии (например, Торкановский, 2020), что касается не только ограничения свободы международного движения трудовых ресурсов, но и сдерживания инвестиционных потоков, в особенности в реформировании глобальных цепочек создания стоимости. Данные утверждения нельзя игнорировать, поскольку, наложившись на постепенный рост протекционизма, текущая санкционная внешняя политика стран, рост торговых и экономических войн в настоящее время свидетельствуют о появлении полновесных элементов автаркии.

Результатом этих процессов являются еще больший рост асимметрии между развитыми и развивающимися экономиками, поляризации мировой экономики, дифференциации стран, углубление технологических и долговых разрывов, что становится источником новых кризисов, напряженности и неопределенности траектории роста в мировой экономике и характеризует глобализационные процессы.

В *развитых странах* политика «количественного смягчения» открыла новые возможности для международной миграции рискованного капитала, конвертации средств в долговые инструменты, массового роста синдицированных кредитов и концентрации капитала в финансовом секторе. Бюджетный аскетизм способствовал расширению государственно-частного партнерства, но привел к проблемам в системе здравоохранения, что вызвало кризис COVID-19.

Рецессия последнего десятилетия привела к росту цен на инвестиционные активы при условии низких процентных ставок, это стимулировалось также смещением интересов корпораций от расширения инвестиций к получению ренты. Результатами стремления корпораций к быстрой

финансовой отдаче стали такие международные стратегии, как прямые инвестиции и аутсорсинг. Выкуп акций и операции по слиянию и поглощению, представляющие собой простой переход собственности на не вновь созданные активы, способствовали росту финансовой ренты и перемещению ресурсов из реального в финансовый сектор глобальной экономики, что составляет суть финансиализации.

Рост производительности труда в крупнейших экономиках ЕС – Германии, Франции и Италии – на протяжении двух последних десятилетий постоянно снижался, сопровождаясь уменьшением оплаты труда, прежде всего в секторах низкой продуктивности, и значительной дифференциацией оплаты труда между секторами¹³. Ключевыми факторами такого снижения стали бюджетная экономия и ориентация на экспортную конкурентоспособность (Capaldo, 2015).

Поэтому устойчивое восстановление роста экономики развитых стран в дальнейшем невозможно без повышения оплаты труда, увеличения государственных расходов и стимулирования инвестиций вместе с привлекательными социальными пакетами.

Пандемия способствовала возникновению нового поворота в модели экономического развития развитых стран, а именно переходу от экономики потребления к экономике сбережений. Например, в США, несмотря на поддерживающий социальный пакет в связи с пандемией, доля сбережений в располагаемом доходе населения достигла исторического максимума в 21% к середине 2021 г.¹⁴ по сравнению с 12% в последние десятилетия.

Формирование оптимистических ожиданий и стимулирование потребления стало сложной задачей для развитых стран. Поэтому осознание необходимости возврата к кейнсианской модели выхода из пост-

¹² World Investment Report 2021: Investing in Sustainable Recovery. 2021. UNCTAD/WIR/2021. URL: <https://worldinvestmentreport.unctad.org/world-investment-report-2021/>

¹³ Trading away industrialization? Context and prospects of the EU-MERCOSUR Agreement. 2021. Global Economic Governance Initiative. URL: <https://www.bu.edu/gdp/2021/05/19/trading-away-industrialization-contexts-and-prospects-of-the-eu-mercosur-agreement/>

¹⁴ Trade and Development Report 2021: From Recovery to Resilience: the Development Dimension. 2021. UNCTAD. С. 65. URL: <https://unctad.org/webflyer/trade-and-development-report-2021>

ковидной рецессии привело к разработке и внедрению стимулирующих государственных программ с высоким ожидаемым мультипликативным эффектом. Так, программа «Новое поколение ЕС», принятая в июле 2021 г., нацелена на государственные инвестиции в стратегические секторы: возобновляемой энергетики, транспорта и сельского хозяйства. Аналогичная программа – «Американский план обеспечения занятости» – была принята в апреле 2021 г. в США.

Развивающиеся страны характеризуются выросшими дисбалансами в экономическом развитии, долговым давлением¹⁵, отсутствием гибкости бюджетной политики и снижающимся спросом. «Великий карантин» повлиял на необходимость увеличения расходов на здравоохранение на фоне сокращения налоговых поступлений и роста долговых обязательств, вызвал безвозвратную потерю десятков миллионов рабочих мест в ряде развивающихся стран и наименее развитых странах. Все эти осложнения кризиса COVID-19 обострили проблему инклюзивности глобальной экономики за счет роста нищеты и потребительского спроса.

Высокие процентные ставки и завышенные валютные курсы в ряде развивающихся стран искусственно усилили процессы «деиндустриализации», с одной стороны, и проявления «голандской болезни», с другой стороны. Кроме того, в 2018–2021 гг. в них наблюдались негативная динамика чистого притока капитала и качественное изменение его функциональной структуры за счет резкого сокращения портфельных инвестиций и негативного потока международных кредитов и деривативов, а также географической структуры в пользу Азии, за исключением Китая.

Итак, поляризация мировой экономики усилилась в результате кризиса COVID-19 с точки зрения углубления дифференциации возможностей для роста развитых и развивающихся стран. Поскольку развитые страны поддерживали внутренний спрос с помощью социальных пакетов для населения и дешевых кредитов для бизнеса, а развивающиеся страны не могли себе этого позволить,

то разрыв между исходными точками восстановления экономики и развития экономики двух миров увеличился, усилив процессы реглобализации.

Издержки гиперлиберализации в международном производстве и инвестировании

Особенность глобализации на современном этапе заключается в том, что феномен гиперлиберализации позволил усилить доминирование позиции рантье современных транснациональных компаний. Владение ключевыми активами и сетями глобальных цепочек создания стоимости позволяет ТНК/МНП часто злоупотреблять доминирующим положением, использовать хищническую практику. Сложившаяся данная особенность в современной глобальной экономике поведения ТНК/МНП укрепилась в период пандемии под воздействием прежде всего жесткой защиты прав интеллектуальной собственности и находящихся под контролем цифровых технологий.

Одним из непродуктивных источников роста прибыли ТНК/МНП являются механизмы использования МПИ (международных прямых инвестиций) для образования точек изменения финансовых потоков, а именно МПИ-транзакции широко используются для внутрифирменного кредитования или для владения интеллектуальными либо другими активами (Delatte, Guillin, Vicard, 2020). Для реализации стратегии налоговой оптимизации значительный объем МПИ сконцентрирован в ряде налоговых гаваней, что лишает многие страны их справедливой доли выгод от глобализации. Использование ТНК/МНП «лазеек» и нестыковок в законодательстве стран, налоговые гавани и низконалоговые юрисдикции позволяют, например, компаниям из США репатриировать в большей степени доход из Люксембурга и Бермудских островов, нежели из Китая и Германии. Истоки такой практики связаны с согласованными в начале XX в. принципами налогообложения, которые практически не менялись. Данные принципы основаны на налогообложении активных доходов в стране их создания, а пассивных – в стране регистрации бизнеса или нахождения штаб-

¹⁵ Внешний долг развивающихся стран достиг 11,3 трлн долл. США в 2020 г., что в 2,5 раза больше, чем в 2009 г. URL: <https://unctad.org/webflyer/trade-and-development-report-2021>

квартиры компании. Злоупотребления международным бизнесом сложившейся практикой заключаются в том, что внутрифирменная торговля позволяет рассредоточить источники получения активных доходов в дочерних компаниях, находящихся в низконалоговых юрисдикциях.

Определенные шаги предпринимались и ранее международным сообществом, когда был начат проект Организации экономического сотрудничества и развития Base Erosion and Profit Shifting (BEPS) в 2013 г. В 2020 г. в рамках ОЭСР была утверждена Инклюзивная Основа (the Inclusive Framework) для разработки многостороннего решения по проблемам налогообложения в связи с цифровизацией мировой экономики¹⁶. Последний шаг в данной области принят совместно 137 юрисдикциями в июле 2021 г., который заключался в разработке двух основных направлений решения проблемы налогообложения с учетом прав налогообложения между различными юрисдикциями и потерь государственных доходов из-за перемещения прибыли. Первое направление – необходимость релокации прибыли МНП, а второе направление – введение минимального глобального налога не менее 15%¹⁷.

Таким образом, международное сообщество в рамках деятельности ОЭСР нашло комплексное решение с помощью многосторонних соглашений, призванных остановить страны в их гонке за привлекательность для МНП и тем самым гармонизировать международную бизнес-среду, а также перенаправить прибыль многонационального бизнеса на общественные потребности, позволяя государству их финансировать за счет получения более высоких налоговых доходов, до 275 млрд долл. США в год (Cobham, Faccio, Garcia-Bernardo, Janská, Kadet, Picciotto, 2021). В то же время, учитывая «экономия» МНП на налоговом инжиниринге, предпринятые реформы по налоговому режиму существенно не изменят глобальную бизнес-среду. Во-первых, чем сложнее система налогообложения, тем больше лазеек можно найти. Во-

вторых, требования к величине прибыли в 20 млрд долл. США и в 10% доходности охватывают не все компании (около 80%) даже в рейтинге 500 глобальных компаний мира. Поэтому снижение этих пределов может существенно увеличить число компаний для налоговой базы. В-третьих, риск того, что развивающиеся страны получат выгоды от реформы, высокий и связан с тем, что усложнение налоговой системы окажет негативное влияние на налоговое администрирование в развивающихся странах, которые постоянно испытывают недостаток в налоговых экспертах. Кроме того, налоговая ставка в 15% часто ниже, чем существующая в большинстве развивающихся стран. Поскольку страны базирования штаб-квартир МНП имеют приоритет во взимании налога на прибыль, то от данной реформы на 60% будут в выигрыше страны G7, а не развивающиеся страны мира (Там же). В-четвертых, не ясно, как действующие в США система налоговых вычетов и принцип нейтральности экспорта капитала будут взаимодействовать с новой налоговой реформой. Принцип нейтральности экспорта капитала предполагает, что налогообложение должно быть нейтрально по отношению к бизнесу, независимо от выбора резидентом места локализации инвестиций: в стране или за рубежом. В связи с этим принципом США ввели налоговые вычеты, ряд компаний очень успешно за счет этой льготы добиваются снижения уровня налогообложения. Например, Амазон практически не платит налоги на прибыль по всему миру, используя эту льготу (Phillips, Pyle, Palan, 2021). Поскольку США являются источником наибольшего количества крупнейших МНП мира, то возникают риски корреляции новой системы налогообложения с имеющейся льготной в США.

Спекулятизация и геймификация рынка ценных бумаг как фактор неустойчивости глобальной экономики

Источником распространения финансовых кризисов на протяжении предыдущих столетий неоднократно становился и рынок ценных бумаг. В настоящее время он снова может стать триггером ввиду не-

¹⁶ URL: <https://oecd.org/tax/oecd-secretary-general-tax-report20-finance-ministers-july-2021.pdf>

¹⁷ URL: <https://www.oecd.org/tax/beps/>

устойчивой практики и повышенных рисков из-за издержек гиперлиберализации, финансиализации и новых тенденций в его развитии (Лукьянин, 2020).

Развитые рынки ценных бумаг отличаются высокой степенью открытости как национальных участников, так и зарубежных, с более низкими порогами входа, высокой степенью либерализации и косвенных методов стимулирования инвестиционной деятельности. Самый большой по капитализации и распространению – рынок ценных бумаг США, модель которого используют рынки других развитых и быстроразвивающихся стран. Законодательные, экономические, финансовые практики исходят из США, большинство современных механизмов, стратегий, методологий, оценок рисков, финансовых инструментов и прочие новшества, применимые к финансовым рынкам, также заимствуются во всем мире из США.

Действительно, финансово-инвестиционная деятельность имеет широкое распространение в США. Более 50% взрослого населения осуществили вложения в фондовый рынок – в отдельные акции, паевые инвестиционные фонды, самостоятельные фонды или пенсионные счета¹⁸. Динамика данного показателя имела нисходящий тренд после кризиса 2008–2009 гг., но продолжает оставаться стабильно выше 50% (рис. 2). К примеру, по данным Национальной ассоциации участников фондового рынка (НАУФОР), в России данный пока-

затель находится на уровне около 13%¹⁹, в Китае – 14,8%²⁰, что значительно ниже из-за того, что в США развита система стимулирования пенсионных накоплений, а также распространена культура инвестиционной деятельности. При этом, согласно информации Федеральной резервной системы США, на апрель 2021 г. около 41,5% акций находилось в прямом или косвенном владении домашних хозяйств и некоммерческих организаций.

Широкая доступность и открытость фондового рынка США была обеспечена высоким развитием таких фундаментальных инфраструктурных компонентов, как биржевые и пенсионные фонды, а также расширением практики первичного размещения ценных бумаг (ИРО) в 2015–2021 гг.

Однако у гиперлиберализации, процесса значительного послабления регулирования и стимулирования развития, в особенности на рынках ценных бумаг, есть и негативные факторы. К примеру, после кризиса 2008 г. произошло резкое снижение доли инвестирующего населения. В первую очередь это означает, что многие люди в убыток закрывали инвестиционные позиции (продавали акции), что создавало дополнительное давление на рынок. Розничные инвесторы более подвержены влиянию психологических факторов, которые часто описывают в публицистических изданиях как страх, неуверенность и сомнение. Поэтому при концентрации значительного капитала на инвестиционных счетах розничных инвесторов создается негативный прецедент – в случае снижения цен и под влиянием последующих циклических продаж начинается падение стоимости активов.

По данным 2021 г., около 23% активности рынка акций США приходилось на розничных инвесторов (рис. 3). При этом с 2010 г. их доля выросла с 10,1 до 23%, что указывает на увеличение активности инвестиций населения. Розничный сегмент рынка стал приобретать новые черты и характеризоваться новыми тенденциями.

¹⁸ Инвестиции населения на фондовом рынке за год почти удвоились. 2021. URL: <https://www.rbc.ru/finances/25/02/2021/603646a59a79471f3f239daa>

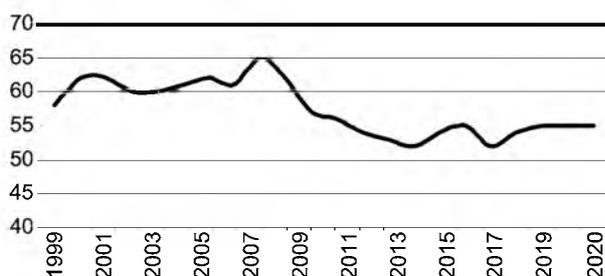

Рис. 2. Динамика доли инвестирующего населения США, 1999–2020 гг.

Источник. Авторская разработка на основе: World Bank Open Data. 2021. URL: <https://data.worldbank.org/>

¹⁹ Там же.

²⁰ Millions of new investors piled into mainland Chinese stock markets in 2020. 2021. URL: <https://www.cnb.com/2021/01/21/millions-of-new-investors-piled-into-chinese-stock-markets-in-2020.html>

Рис. 3. Доли рынка акций по группам инвесторов США, 2021 г., %

Источник. Авторская разработка на основе: World Bank Open Data. 2021. URL: <https://data.worldbank.org/>

Одним из основных принципов инвестиционной деятельности становится поиск недооцененных компаний с точки зрения соотношений цены их акций и показателей финансовой отчетности. Однако такие черты, как спекулятизация и культуризация краткосрочного получения доходности, являясь основой финансиализации мировой экономики, оказывают негативное влияние на дееспособность данного подхода по причине концентрации внимания на ценных бумагах, которые можно охарактеризовать как позитивный информационный сентимент, что в итоге сменяет основную парадигму рынка и, в свою очередь, может существенно сказаться на устойчивости его развития.

Тенденция 2021 г. – обретение нового качества рынком капитала в США. В настоящее время он описывается как геймифицированный рынок, то есть основанный на технологии адаптации игровых методов к неигровым процессам и событиям с целью вовлечения²¹. Одним из наиболее популярных брокеров для розничных инвесторов является Robinhood с наименьшим

средним инвестиционным счетом среди прочих брокеров, равным 5000 долл. США, и медианным балансом в 240 долл США²². Экспертами отмечается, что использование приложения данного брокера приводит к «несерьезному» и часто аддиктивному восприятию инвестиций, фактически заменяя азартные игры (van der Heide, Želinský, 2021). При этом некоторые элементы геймификации компания была вынуждена удалить из приложения. В действительности, как показывает статистика, значительное число пользователей используют финансовый левверидж с целью увеличения потенциальных доходностей, не осознавая пропорционального увеличения риска и появления возможности ликвидации позиций.

Некоторые авторы отмечают позитивную сторону геймификации, так как она может быть использована в процессе обучения, что позволит более эффективно повысить финансовую грамотность (Там же). Однако излишнее упрощение финансовых процессов и инструментов влечет за собой недооценку рисков, сопровождающих инвестиции. Подобному несерьезному поведению индивидуальных инвесторов также способствует растущая роль социальных сетей, в которых пользователи публикуют информацию о предполагаемых движениях тех или иных инструментов.

Принимая во внимание спекулятизацию и геймификацию инвестиций, можно заметить, что рост и падение цен акций компаний могут быть не обоснованы их фундаментальными финансовыми показателями. В первую очередь это означает, что роль фондового рынка как экономического барометра теряет смысл, поскольку ожидания и рост внимания в медийном пространстве более часто конвертируются в рост и падение, нежели в фактические финансовые результаты.

В общем плане аналогичный вывод можно сделать и по фондовым индексам. Так, в 2020 г., вопреки росту безработицы, закрытию предприятий и прочих результатов ограничений в результате пандемии,

²¹ Robinhood debuts on Nasdaq – Jim Cramer and others share their take. 2021. URL: <https://www.cnbc.com/2021/07/29/robinhood-stock-nasdaq-ipo-jim-cramer-and-others-share-their-take.html>

²² Robinhood gets rid of confetti feature amid scrutiny over gamification of investing. 2021. URL: <https://www.cnbc.com/2021/03/31/robinhood-gets-rid-of-confetti-feature-amid-scrutiny-over-gamification.html>

индексы показали высокую доходность, к примеру индекс SP500 вырос с марта 2020 г. по март 2021 г. более чем на 80%. Расхождение экономических и финансовых тенденций создает негативный прецедент для функционирования рыночных механизмов, которые стимулируют прибыльные компании, заменяя это вовлечением масс людей.

Факторы роста мировой и национальной экономики в условиях переформатирования глобального экономического пространства

Последствия глобального финансового кризиса и кризиса, вызванного пандемией, заложили основу для окончательной перестройки глобального экономического ландшафта в сторону более сложного и многополярного порядка, позволяющего странам и субъектам бизнеса создавать новые модели развития, диверсификации рисков и смягчения внезапных разноплановых шоков. Меры, предпринимаемые и планируемые странами, связаны с созданием новых возможностей для экономического роста. Наряду с объективными процессами они входят в число положительных факторов субъективного характера для восстановления динамики развития на региональных уровнях и в мире в целом.

Все это свидетельствует о необходимости реформирования системы международных экономических связей в национальной экономике с учетом тенденций переформатирования глобального мира, отражения актуальных направлений в стратегических и программных документах Республики Беларусь, что позволит нам обрести новые контуры конкурентоспособности (Праневич, 2015) для очередного витка экономического роста под влиянием позитивных факторов и вызовов устойчивому мировому развитию.

Позитивные факторы роста мировой экономики *объективного характера* связаны с ее восстановлением развития после «Великого карантина», а именно с быстрым восстановлением и двузначными темпами экономического роста в 2021 г. к 2019 г. ряда ключевых экономик: Китая, Турции, США, Республика Корея, а также высокими прогнозируемыми МВФ темпами роста Индии, Великобритании, Мексики, Аргентины.

Основными *стимулирующими факторами субъективного характера* для роста и развития глобальной экономики являются: процессы «реглобализации» на принципах либерализации для возобновления международной торговли и международного движения капитала; «щедрые» меры фискального стимулирования для преодоления последствий кризиса в развитых странах; разворачивание масштабных инфраструктурных проектов и программ с центром в КНР, ЕС, США; снижение отрицательных последствий гиперглобализации; реформирование подходов к экологическим проблемам.

Особо следует подчеркнуть, что на качество развития глобальной экономики и ее структурное реформирование будет оказывать позитивное влияние масштабная реализация сформулированных в 2015 г. Генеральной ассамблеей ООН взаимосвязанных целей в области устойчивого развития (ЦУР) в документе «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Он содержит 17 глобальных целей с детализацией на 169 задач: ликвидация голода и нищеты и снижение уровня неравенства; обеспечение инклюзивности в области образования и здорового образа жизни, гендерного равенства; содействие устойчивому экономическому росту, полной занятости, устойчивости городов, созданию инфраструктуры и внедрению инноваций; использование рациональных моделей потребления и производства; доступность и рациональное использование водных ресурсов и электроэнергии; проведение срочных мероприятий по борьбе с изменениями климата, сохранение и восстановление экосистем суши и океана; содействие построению миролюбивых и открытых обществ с доступом к правосудию для всех и создание эффективных учреждений на всех уровнях, укрепление механизмов глобального партнерства в интересах устойчивого развития.

В соответствии с данными целями в странах разрабатывается множество государственных программ финансирования и программ, мотивирующих предпринимательскую активность для их достижения.

В то же время мировое экономическое развитие подвержено влиянию ряда

отрицательных факторов, включающих угрозы системного характера и шоковых изменений. Основными *угрозами системного типа*, тормозящими рост глобальной экономики в последнее десятилетие и лежащими в основе глобальной неустойчивости, можно назвать следующие:

- устойчивый тренд снижения темпов роста мировой экономики за 50 лет со среднего уровня за каждое десятилетие в 3,9 до 2,3%;

- ужесточение бюджетной политики в развитых странах и ослабление источников финансирования развития большинства развивающихся стран;

- процессы финансиализации мировой экономики вследствие роста приоритетности финансового сектора над реальным;

- монетарное стимулирование восстановления банковского и финансового секторов правительствами и центральными банками крупнейших стран мира после мирового финансового и валютного кризиса и последующее «количественное смягчение»;

- усугубление структурных дисбалансов как в развитых, так и в развивающихся странах;

- экологический стресс и надвигающийся соответствующий кризис. В экологической сфере наблюдается передача частного риска обществу («моральный риск», по терминологии ООН), что выражается в приватизации прибыли и обобществлении убытков. Например, в области зоонозных заболеваний в условиях, когда промышленные животноводческие хозяйства теснят естественную среду обитания.

В дополнение к названным необходимо выделить ряд *шоковых изменений* в мировой экономике, связанных с поляризацией мира и нарастанием геополитического противостояния; торговыми и экономическими войнами и санкционным давлением; обострением экологических, военных конфликтов и возникновением мирового кризиса пандемийного характера.

Следует отметить, что в условиях, складывавшихся еще до введения «Великого карантина», одним из стратегических факторов влияния на трансформационные процессы в мировой экономике стал гео-

политический. Накладываясь на рост технологического и цифрового неравенства, этот фактор формирует крайне уязвимые для экономики Республики Беларусь и его стратегического партнера, Российской Федерации, условия функционирования. Поэтому создание региональных экономических союзов выступает в качестве дополнительного инструмента повышения конкурентоспособности в глобальном мире.

* * *

Таким образом, мировая экономика преодолела период экстенсивной глобализации и перешла на новый этап развития, который качественно трансформирует сложившиеся взаимосвязи и разрушает устоявшиеся взаимозависимости. Этап характеризуется усложнением международных экономических отношений между субъектами различной национальной принадлежности, демонстрирует нелинейность внешнеэкономических связей вопреки либеральным учебникам, обнажает углубление противоречий и дисбалансов, способствует появлению новых шоков и противостояний.

Сегодняшняя реальность требует дополнительных исследований для уточнения сущностных признаков современного разворота глобализации и его терминологической определенности. Можно ли утвердительно заявлять, что деглобализация и реглобализация мировой экономики состоялись? Насколько устойчивы тенденции торможения интернационализации мирохозяйственных связей, роста протекционизма и противостояний, усиления регионализации, характеризующие деглобализацию? Каковы основные факторы влияния на экономическую реглобализацию, а именно: на глобальную конфигурацию международной гиперсвязанности, географическую и отраслевую реструктуризацию, изменения направлений развития мировой экономики?

В представленной статье предпринята попытка научного обоснования необходимости разработки новых концептуальных подходов:

- к оценке современного этапа развития мировой экономики с точки зрения

устойчивости ее глобализации на основе либерализации, углубления взаимозависимости и роста;

- разработке терминологического единства в определении новых модификаций развития мировой экономики;

- выявлению основных проблем для поиска научного решения в рамках развития теории глобализации.

Весомость и безвозвратность изменений траектории роста и архитектуры глобальной экономики, выраженных в процессах деглобализации и реглобализации, свидетельствуют также о необходимости конкретизации проблем и рисков устойчивого развития для экономики Республики Беларусь в контексте национальной безопасности и соответствующей концептуализации обновленной стратегии и практики экономического развития, реформирования внешнеэкономических связей. Во-первых, учитывая накопление глобальных дисбалансов и шоковые изменения мирового экономического ландшафта, противостояние и смягчение которых для малой открытой экономики сложно, Республике Беларусь требуются дальнейшее поддержание стратегического партнерства и максимизация использования мер региональной политики, а также расширение сотрудничества с другими интеграционными объединениями (Праневич, 2018; Петрушкевич, 2018). Во-вторых, перестройка внешнеэкономической политики должна формироваться на основе многосценарной стратегии для обеспечения возможности гибкого реагирования на внешние шоки и их каскадные последствия. В-третьих, повышение уровней сложности во взаимосвязях в глобальной экономике, реформирование внешнеэкономической политики страны требуют системного взаимодействия со структурной перестройкой национальной экономики на принципах робастности и резильентности (Смородинская, Катукон, 2021) участия в региональных цепочках создания стоимости. В-четвертых, для смещения географических акцентов во внешнеэкономических связях необходимы разработка новых и развитие существующих бизнес-моделей (как, например, моделей инклюзивного развития бизнеса в Индии (Петрушкевич,

2020)) с учетом специфики стран взаимодействия, их традиций и приоритетов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (REFERENCES)

Гурьянов Н.Ю., Гурьянова А.В. 2020. Цифровая глобализация в контексте развития цифровой экономики и цифровых технологий. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки.* № 3. С. 63–69. [Guryanov N.Y., Guryanova A.V. 2020. Digital globalization in the context of digital economy and digital technologies development. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki.* No 3. PP. 63–69. (In Russ.)]

Иванов В., Малинецкий Г. 2020. Постиндустриальное общество, постлиберальная реальность и новая глобализация. *Researcher. European Journal of Humanities & Social Sciences.* Т. 3. № 1. PP. 11–26. [Ivanov V., Malinetskiy G. 2020. Post-industrial society, post-liberal reality and new globalization. *Researcher. European Journal of Humanities & Social Sciences.* Vol. 3. No 1. (In Russ.)]

Лукьянин А. 2020. Анализ взаимозависимости национальных финансовых рынков в условиях глобализации. *Банкаўскі вестнік.* № 7. С. 29–37. [Lukyanin A. 2020. Analysis of interdependency of the national financial markets under globalization conditions. *Bankavski vesnik.* No 7. PP. 29–37. (In Russ.)]

Малова Т.А. 2020. О чем сигнализируют парадоксы глобальной экономики. *Вестник МГИМО Университета.* Т. 13. № 3. С. 225–242. [Malova T.A. 2020. What signal paradoxes of global economy. *Vestnik MGIMO Universiteta.* Vol. 13. No 3. PP. 225–242. (In Russ.)]

Петрушкевич Е.Н. 2018. Международная специализация Республики Беларусь в ЕАЭС: возможности для инвестиционной интеграции. *Международная торговля и торговая политика.* № 4. С. 40–61. [Petrushkevich A.N. 2018. International specialization of the Republic of Belarus in the EAEU: Opportunities for investment integration. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika.* No 4. PP. 40–61. (In Russ.)]

Петрушкевич Е.Н. 2019. Политика привлечения прямых иностранных инвестиций: общее и особенное. *Белорусский экономический журнал.* № 3. С. 129–144. [Petrushkevich A. 2019. Policy of attracting foreign direct investments: Common and specific. *Belorusskiy ekonomicheskiy zhurnal.* No 3. PP. 129–144. (In Russ.)]

Петрушкевич Е.Н. 2020. К теории «умной» социальной инфраструктуры в основании пирамиды. *Белорусский экономический журнал.* № 2. С. 153–159. [Petrushkevich A. 2020. On the theory of «smart» social infrastructure at the base of the

pyramid. *Belorusskiy ekonomicheskiy zhurnal*. No 2. PP. 153–159. (In Russ.)]

Праневиц А.А. 2015. Факторы конкурентоспособности малых стран и особенности формирования в Республике Беларусь. *Экономический вестник университета*: сборник научных трудов. Вып. 26/1. Переяслав-Хмельницкий: Переяслав-Хмельницкий государственный педагогический университет им. Г. Сковороды. С. 86–92. [Pranevich A.A. 2015. Factors of competitiveness of small countries and features of their formation in the Republic of Belarus. *Ekonomicheskiy vestnik universiteta*. Iss. 26/1. Pereyaslav-Khmel'nitskiy: Pereyaslav-Khmel'nitskiy gosudarstvennyu pedagogicheskiy universitet im. G. Skovorody. PP. 86–92. (In Russ.)]

Праневиц А.А. 2018. Торгово-экономическое сотрудничество ЕАЭС с региональными и мегарегиональными интеграционными объединениями: тенденции, направления, выгоды и угрозы. *Международная торговля и торговая политика*. № 1. С. 33–49. [Pranevich A.A. 2018. Trade and economic cooperation of the EAEU with regional and megaregional integration associations: Trends, direction, benefits and threats. *Mezhdunarodnaya trgovolya i trgovaya politika*. No 1. PP. 33–49. (In Russ.)]

Праневиц А.А. 2019. Трансформация конкурентной среды в условиях развития цифровой экономики: факторы модификации и возможности регулирования. *Научные труды Белорусского государственного университета*. Вып. 12. Минск: БГЭУ. С. 359–364. [Pranevich A.A. 2019. The competitive environment transformation in the digital economy: modification factors and regulatory options. *Nauchnye trudy Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta*. Minsk: BGEU. PP. 359–364. (In Russ.)]

Праневиц А.А. 2021. Глобальное конкурентное пространство: новые условия, источники монополизации и возможности регулирования. *Белорусский экономический журнал*. № 1. С. 4–22. [Pranevich A. 2021. Global competitive space: New context, monopolizing sources and regulation opportunities. *Belorusskiy ekonomicheskiy zhurnal*. No 1. PP. 4–22. (In Russ.)]

Смородинская Н.В., Катукон Д.Д. 2021. Резильентность экономических систем в эпоху глобализации и внезапных шоков. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. № 5. С. 93–115. [Smorodinskaya N.V., Katukov D.D. 2021.

Resilience of economic systems in the age of globalization and sudden shocks. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*. No 5. PP. 93–115. (In Russ.)]

Торкановский Е.П. 2020. Автаркия 2.0: глобальная экологическая повестка, пандемия COVID-19 и новая нормальность. *Экономические отношения*. Т. 10. № 3. С. 663–682. [Torkanovskiy E.P. 2020. Autarky 2.0: The global environmental agenda, pandemic COVID-19 and the new normal. *Ekonomicheskie otnosheniya*. Vol. 10. No 3. PP. 663–682. (In Russ.)]

Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. 2020. Новый глобальный экономический кризис: как изменится глобализация? *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 4. С. 34–52. [Kheifets B.A., Chernova V.Yu. 2020. The new global economic crisis: How will globalization change? *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. Vol. 13. No 4. PP. 34–52. (In Russ.)]

Benedikter R. 2021. What is Re-Globalization? *New Global Studies*. Vol. 15. No 1. PP. 73–84. URL: <https://doi.org/10.1515/ngs-2020-0051>

Capaldo J. 2015. The Trans-Atlantic Trade and Investment Partnership: European Disintegration, Unemployment and Instability. *Economia & lavoro*. Iss. 2. PP. 35–56.

Cobham A., Faccio T., Garcia-Bernardo J., Janský P., Kadet J., Picciotto S. 2021. A Practical Proposal to End Corporate Tax Abuse: METR, a Minimum Effective Tax Rate for Multinationals. *IES Working Papers*. No 8. PP. 18–33.

Delatte A.L., Guillin A., Vicard V. 2020. Grey Zones in Global Finance: the distorted Geography of Cross-Border Investments. *CEPR Discussion Paper No DP14756*. URL: http://www.cepii.fr/PDF_PUB/wp/2020/wp2020-07.pdf

van der Heide A., Želinský D. 2021. «Level up your money game»: an analysis of gamification discourse in financial services. *Journal of Cultural Economy*. Vol. 14. Iss. 6. PP. 711–731. URL: <https://doi.org/10.1080/17530350.2021.1882537>

Phillips R., Pyle J., Palan R. 2021. *The Amazon method: How to take advantage of the international state system to avoid paying tax*. Brussels: Study for The Left in the European Parliament. URL: <https://left.eu/content/uploads/2021/05/THEamazonMETHOD-1.pdf>

MODERN GLOBAL ECONOMY: RETHINKING THE ESSENCE, FACTORS OF TRANSFORMATION, CONTRADICTIONS AND NEW CHALLENGES

Alla Pranevich¹ (<https://orcid.org/0000-0003-2716-8201>),
Alena Petrushkevich¹ (<https://orcid.org/0000-0001-5962-0405>),
Aliaksei Lukyanin¹ (<https://orcid.org/0000-0001-9967-1637>)

Authors affiliation: ¹ Belarusian State Economic University (Minsk, Belarus).

Corresponding author: Alla Pranevich (pranevich@bseu.by).

ABSTRACT. The article analyses the main features of the modern global economy and the most essential factors of its transformation. The authors have identified the signs and inconsistency of new manifestations of globalization that have been reflected in the forms of de-globalization and re-globalization, the hyper-interconnection and the hyper-liberalization of the economies. The article considers the costs and threats to the sustainability of world economic development, and the directions of their overcoming by the world community. Positive and negative factors of the global economic development have been revealed in view of objective and subjective processes, emerging shocks and threats.

KEYWORDS: global economy, de-globalization, re-globalization, competitive environment, international trade, investment, COVID-19 pandemic.

JEL-code: F01, F60, F63.

DOI: 10.46782/1818-4510-2022-2-4-22

Received 22.04.2022

In citation: Pranevich A., Petrushkevich A., Lukyanin A. 2022. Modern global economy: rethinking the essence, transformation factors, contradictions and new challenges. *Belorusskiy ekonomicheskiy zhurnal*. No 2. PP. 4–22. DOI: 10.46782/1818-4510-2022-2-4-22 (In Russ.)

